

ВЕСТИНИК ЛИТЕРАТУРЫ

1921 г.

№ 8 (32)

ГОД III

По делам редакции обращаться к А. Е. Кауфману, Петроград, Моховая 25, кв. 5. Тел. 459—84.
Прием по понедельникам от 7 до 8 час. веч.

Рукописи не возвращаются.—Переписка по делам Редакции и Конторы затруднительна.

Содержание: О ГОЛОДЕ: На помощь голодающим.—Писатели и ученые о голоде. А. Е. Кауфман.—Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко в борьбе с голодом. А. Евгеньева.—Роза Люксембург о В. Г. Короленко. А. Г. Горнфельда.—ВЕЛИКАЯ УТРАТА.—Памяти А. А. Блока. В. А. Паста.—Мотивы поэзии Александра Блока. А. Рашковской.—Что нового в литературе? I. О Записках мечтателей. II. Повст для немногих. П. К. Губера.—Новые книги: Ст. Н. И. Кареева, В. Я. Ирецкого, Д. А. Лутوخина, Э. Ф. Голлербаха и др.—В вечном подосрени. П. К. Арзубьева.—Для всех направлений. Н. Каткова.—Государственное издательство и Полиграфическая Секция. И. Д. Галактионовна.—Из мемуаров Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М. С. Королицкой.—Памяти Ю. А. Бунина, М. И. Фридмана и П. Д. Боборыкина.—В литературных организациях.—Письма в редакцию! Тютчева и В. М. Дорошевича.—Литературная хроника.

О ГОЛОДЕ.

На помощь голодающим.

Значительную часть России постигло новое страшное бедствие. Неурожай охватил все Поволожье и ряд других губерний. Это уже не „недород“, как успокоительно доносили в эпоху самодержавия губернаторы, а самый настоящий голод со всеми его ужасами. Из голодного района доносятся вести—одно тревожнее другого. Огромная часть пораженного неурожаем населения обречена на голодное вымирание. Многие бросают свои земли и дома и бегут, куда глаза глядят, моля о хлебе. Нужна безотлагательная помощь.

Русские писатели никогда не оставались позади в деле облегчения голодных бедствий. Как относились русские писатели к делу борьбы с голодом в старое время—об этом свидетельствуют статьи и книги Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко („В голодный год“), покойного В. О. Михневича и многих других. Писатели не ограничивались пропагандой оказания помощи. Они отправлялись на пораженные голодом места, знакомили общество с размерами бедствия, организовывали столовые, уделяли на это известный процент из своих скромных достатков. Они выпускали литературные сборники в пользу голодающих. И в настоящее, переживаемое ими трудное время русские писатели и журналисты, обреченные сами на всякие продовольственные лишения, озабочены мыслью об оказании посильной помощи делу облегчения голодного бедствия.

И могут ли русские писатели не откликнуться на несущиеся из голодающих губерний вопли о помощи, остаться безучастными к бедственному положению миллионов людей, гонимых ужасом голодной смерти с насиженных своих мест в поисках хлеба! Бедствие слишком велико, чтобы отделаться скудными отчислениями со своих

скромных доходов. Да при теперешней писательской безработице немногие могут делать такие отчисления.

Есть еще одна форма помощи со стороны писателей, кроме издания сборников и устройства лежан и вечеров. Это ознакомление мира с размерами голода, его ужасными последствиями и с мерами для борьбы с ними. Но для этого необходимо существование органов печати.

Об основании таких органов печати или хотя-бы одного широко поставленного издания и возникали предложения в организациях, озабоченных делом помощи голодающим.

В какую форму выльется писательская помощь на практике, при нынешних условиях,—об этом мы узнаем в недалеком будущем.

Комитетом Дома Литераторов предпринято издание заграницею сборника произведений русских писателей в пользу голодающих. Выручка со сборника, который будет опечатан в значительном числе экземпляров в оригинале и в переводе и распространен, главным образом, заграницею, должна быть употреблена для приобретения за границею же хлеба и других продуктов. Этим не должно ограничиться участие писателей в борьбе с голодным бедствием...

Писатели и ученые о голоде.

Время от времени нашу страну посещают голодные бедствия. В 1891 г. голод охватил 21 губернию, ровно чрез 10 лет—в 1911 году, поражены были голодом 20 губерний, ныне голодает все Поволожье,—и не одно Поволожье, а почти всей стране угрожает голод, и она нуждается в помощи извне, чтобы справиться с бедою.

Русские писатели и журналисты, имевшие всегда возможность больше чем кто либо, судить о размерах голодных

С первых шагов Короленко столкнулся с беззаботностью и небрежностью лукояновской продовольственной комиссии, которая старалась скрыть истинные размеры бедствия и произвольно сокращала узаконенные суды. Открыв 12 столовых, Короленко вернулся в Нижний и добился смены председателя лукояновской прод. комиссии, увеличения суды и устранения препятствий к дальнейшему открытию столовых, после чего возобновил свою работу, устроив 45 столовых в 22 деревнях.

Но писателю приходилось работать на два фронта — помогать голодным и отстаивать участие земства в борьбе с голодом. В докладе, читанном им 27 мая 1922 г. в губ. продовольственной комиссии, он горячо отстаивал земский принцип, на который делались систематические посягательства со стороны правительственных органов, требовал широкой гласности и общественного контроля.

Надо помнить, что то была эпоха мрачной реакции, что на российском троне восседал Александр III, творец института земских начальников. Пост-помещик Фет в „Московских Ведомостях“ изображал тогда „мужиков — ворами, пьяницами и отрицал само существование голода. С фактами и цифрами в руках Короленко разбивал все обвинения народоненавистников, хотя сам был далек от сентиментальной идеализации народа, от старых народнических иллюзий. Полуисторическое представление о каком-то особенном народном укладе является для него „факцией“. „Мужика, единого и нераздельного совсем нет. Есть Федоры, Иваны, бедняки, богачи, пищие и кулаки“

И Короленко спешил на помощь пухляшам от голода Федорам и Иванам, выбирал наиболее голодавших, отдавая предпочтение больным, детям, сиротам, безпомощным вдовам, т. е. самым голодным ртам...

А. Евгеньев.

Роза Люксембург о В. Г. Короленко.

В известном издательстве П. Кассирера в Берлине вышла по немецки „История моего современника“ (Geschichte meines Zeitgenossen) В. Г. Короленко. Перевод сделал Розой Люксембург, которой принадлежит также предисловие к книге, написанное ею в Бреславльской тюрьме летом 1918 года. Из двух частей этого предисловия первая дает общую характеристику русской литературы, вторая посвящена образу жизни и творчества В. Г. Короленко. Особенно любопытна первая половина, обличающая в покойной политической деятельности читателя, осведомленного не только в русской художественной, но и критической литературе. Нельзя назвать мысли Розы Люксембург в этой области совершенно новыми; иногда она ошибается в фактах и в оценках. Но, с этими оговорками, ее суждения не раз производят приятное впечатление, как своей самостоятельностью, так и широтой, в которой не пручили нас литературные оценки и соображения партийных критиков. Впрочем, широта эта не покажется удивительной тому, кто знает не один только политический облик Розы Люксембург, но и ее очаровательные письма из тюрьмы.

Полагая в основу характеристики русской литературы ее освободительный характер, Роза Люксембург не видит необходимости для доказательства этого огульно причислять — как делал кой-кто у нас — всех значительных русских писателей к героям политического освобождения. „Нет ничего ошибочнее — говорит она — как на этом основании представлять себе русскую литературу, как тенденциозное искусство в грубом смысле или как огушительные фауфары свободы... или даже считать всех русских писателей революционерами, по меньшей мере, прогрессистами. *Шаблонь, вроде „реакционер“ или „прогрессист, сами по себе еще мало что значат в искусстве“*

Достоевский, равно как Лев Толстой, представляются Розе Люксембург реакционерными. „И все таки оба они

своими произведениями потрясают, возвышают, освобождают нас. Это от того, что не их исходная точка зрения реакционна, что не социальная иснавьсть, честолюбие, кастовый эгоизм, приверженность существующему — пощадку владеют их мыслями и чувствами, а наоборот — широкая гуманность и глубокое чувство ответственности за социальную несправедливость“. Поэтому и проповедь высшагоэтической мирной культурной работы „не так, как у французских или немецких писателей, изображающих „золотую середину“, дышит у русских не вытум филантропством и пощадью, а юношески пылким тяготением к культуре, сознанием собственного достоинства и инициативы“.

С этой точки зрения — „чуткой социальной совести“ русской литературы Роза Люксембург характеризует ее отношение к различным проблемам общественного строя — к убийству, к падшей женщине, к ребенку, к мелкому человеку. Властящее развитие русской обличительной литературы приводит автора к заключению, звучащему необычно в устах исторического материалиста: „Рассвет сатирической литературы в Англия часто связывают с политической свободой и объясняют ею. Русская литература, которая в этом отношении может быть поставлена рядом с английской, доказывает, что это не столько зависит от государственного строя, сколько от духа литературы, не столько от учреждений, сколько от взглядов руководящих слоев общества“.

В характеристике В. Г. Короленко — публицисту и общественному борцу уделено большое внимание, чем художнику. Это не потому, чтобы Роза Люксембург мало ценила художественный дар Короленко. Наоборот, она начинает его характеристику словами:

„Короленко — насквозь поэтическая натура“, и эта мысль о поэтичности самого существа автора „Сва Макара“ лежит в основе всего обзора его произведений. „Все они запечатлены теми же чертами: это чарующие картины природы и настроений, милая свежая простота и сердечное участие к униженным и оскорбленным. Однако, эта сильная социальная нота у Короленко не носит в себе ничего поучающего, воинственного, апостольского, как у Толстого. Это просто часть его любви к жизни, его доброй души, его жизнерадостного темперамента. При всей высоте и великодушии его взглядов, при всем отсутствии шовинизма, Короленко насквозь русский писатель“.

В общем, как оно и естественно, внимание критика-политика сосредоточилось на публицистике Короленко, тем более, что изображение общественных выступлений писателя значительно легче, чем характеристика его художественной личности. Однако, и здесь Роза Люксембург ограничилась сухим перечнем, но сумела каждое из политических, публицистических, гражданских деланий записника мугланцев и автора „Голодного года“ представить так ярко и живописно, что, конечно, немецкие читатели всех направлений и вкусов, познакомившись с этой характеристикой и биографией, смогут только проникнуться тем глубоким уважением к В. Г. Короленко, каким он окружен на родине. Очень хорошо говорит Роза Люксембург о передеванной ею „История моего современника“: „Это еще на половину поэзия, но всецело правда, — как и все, волюнтаризмом чего служит эта жизнь“. Очевидно, правда, волюнтаризм в этой книге, является правдой и для Розы Люксембург, хотя мировоззрение В. Г. Короленко, с ее точки зрения, лишено той научной высоты, на которой стоит, по ее мнению, мировоззрение Максима Горького... Убежденный теоретик частных, раздельных, враждебных правд признает, таким образом, некую всеобщую моральную правду, и отрадно думать, что к такому признанию не может не привести живое касание личности и жизни В. Г. Короленко.

А. Герцифельд.